Самоотношение как феномен социального бытия

С. С. Кургинян

Адекватное отношение личности к себе: теория и методология качественного исследования[1]

В статье на материале качественного исследования реализуется единство теории, эксперимента и консультативной/терапевтической практики по проблеме адекватного отношения личности к себе. Метод изучения индивидуальных случаев избран для научного обоснования такого качественного запроса, как отношение личности к себе. Данный метод позволяет детальное сосредоточение на особенностях модели единичного случая, которая, согласно цели и задачам настоящего исследования, используется, чтобы, во-первых, изучить самость личности, во-вторых, выявить этические противоречия, возникающие при осуществлении профессиональной помощи и поддержки, и выделить средства оценки и описания эффективности применяемых методов исследования личности.

Ключевые слова: адекватное отношение личности к себе, качественный запрос, качественное исследование, метод изучения индивидуальных случаев, объекты самости, отношенческие паттерны, «присутствие», процесс отношения к себе, рефлексивная практика, самость.

Концептуальные подходы к изучению адекватного отношения личности к себе. Большинство исследователей, так или иначе уделявших внимание проблеме соотношения между феноменом «отношение к себе» и категорией «личность», до сих пор не представили сколько-нибудь определенного ответа на вполне очевидный вопрос: *«Поддерживает*[2] *ли личность адекватное отношение к себе?»*

В ряде психологических направлений разделяется мнение, основанное на предположении о том, что феномен «отношение к себе» осмысливается как соотношение *самости* и *эго*, в котором самость представлена в качестве *объекта* психической жизни личности, а не субъекта как ее носителя [22]. Так, придерживаясь психодинамического подхода, Гантрип [13], исходя из концептуальных предпосылок психологии объектных отношений (Object-Relation Psychology) З. Фрейда, М. Кляйн, Г. Салливана, У. Фаербеарна, подвергает анализу *объекты* и *объектные взаимосвязи* внутреннего психического мира личности посредством наблюдения за *эго* как *первичной психической самостью*, которая стремится установить связи с внешними объектами. При этом в своем анализе исследователь придает особое значение процессу интернализации *объектного отношения* внутрь психики, которое порождает внешнее отношение как интрапсихический феномен.

Кохут [20] в своем анализе самости выдвигает сходное предположение, согласно которому структура самости слагается посредством «преобразующейся интернализации» («transmuting internalization»), при этом последняя вызывает трансформацию внешних объектных отношений во внутренние отношенческие конфигурации самости. Представленная им характеристика объектов самости («selfobjects») как неких ее элементов, сложившихся в ходе осуществления личностью своей психической деятельности, основывается на описании психологических функций объектов в тех значениях функций, которые они выполняют, а не в их значениях как определенных личностных

[1] Исследование выполнено в Центре изучения отношений человека Ноттингемского университета (Англия, Великобритания) — The Centre for the Study of Human Relations, The University of Nottingham, England, UK.

[2] Мы используем понятие «поддерживать», подразумевая процесс, протекающий во внутреннем мире личности и обусловливающий выполнение ею психической деятельности в форме утверждения и осуществления отношения как интрапсихического феномена.

качествах [29]. Данные функции инкорпорируются в психическую структуру личности и обусловливают ее отношенческий опыт, необходимый для развития самости [22]. Этой точки зрения придерживается и Кеннет [17], который отмечает, что «опыт объекта самости — это любой опыт, выполняющий функцию побуждения структурированной самости (которая обнаруживается у переживающего индивида в качестве некоего чувства собственной "самостности") или поддержания континуальности подобного состояния самости ("selfhood"). Наряду с тем что эти переживания относятся к объектам, будь то люди или явления, в действительности они не являются отношениями, а, напротив, внутренними отражениями этих отношений. Они чисто субъективны» ([17] перевод автора)[1].

В ряде других исследований можно наблюдать свидетельство *релятивизма* феномена «отношение к себе», а именно: основывается ли данное отношение на идиллическом, непротиворечивом или чистом состоянии самости, как, например, истинная («true self»), реальная («real self») и возвышенная самость («higher self»), или на воображаемом или же иллюзорном, так же как и вводящем в заблуждение состоянии самости, как, например, ложная («false self»), идолизированная («idolized self») и возвеличенная самость («grandiose self»). Так, Дональд Винникотт [35] в своем исследовании природы человека охарактеризовал истинную самость личности как устойчивое состояние того, что могло бы быть названо внутренней отнесенностью [Там же. P. 108]. Его концепт истинной самости рассматривается как гипотетический и зачастую ставится под сомнение, тогда как концепт ложной самости признается большинством последователей психоаналитической традиции. Так, М. Масуд Р. Хан, чье понимание самости было в некоторой степени схоже с воззрениями Винникотта, отмечал, что определение Винникотта концепта «истинной самости в противоположность ложной самости подразумевает то, что прилагательное *истинный* близко к значению *отчетливого, неподдельного* состояния персонализации, которого можно было достичь в идеальных условиях» [19. P. 303]. В противоположность Дональду Винникотту Хан [19], в своей клинической практике, установил, что невозможно непосредственно говорить о своей самости или относиться полностью к ней, поскольку в действительности самость слагается из собственных обозначений (символов, знаков), по мере того как она репрезентуется и выражается ими. Он использовал символические формы, посредством которых пациент осознавал свою самость и продуцировал ее определения. Согласно наблюдению Хана «иногда определения самости — довольно иллюзорно или в бредовой форме, так же как и достаточно не соответствуя стилю проявления эго, ид и функционированию суперэго — могли утверждаться в личности» [19. P. 303]. Этим обстоятельством Хан пояснял внутренне присущий парадокс опыта переживания самости.

Для гуманистической традиции в психологии характерно рассмотрение *самости* в качестве не некоего объекта, предметно представленного в психической жизни личности, а, наоборот, в качестве источника активности, которому она принадлежит. Данный подход к пониманию самости противопоставляется психодинамическому подходу, поскольку исходит из идеи об уникальности потенциала личности. Так, опираясь на понятие «актуализация» организмической теории личности Курта Гольтштайна, Маслоу [21] утверж-

[1] A selfobject experience is any experience that functions to evoke the structured self (which becomes manifest to the experiencing individual as a sense of one's own selfhood) or to maintain the continuity of such selfhood. While these experiences are related to objects, be they people or things, they are not the actuality of those relationships but their internal reflections. They are purely subjective.

дал, что индивиду следует стать тем, кто он есть, для того, чтобы иметь представление о собственных сущностных потенциальных возможностях и стремлении к творческому проявлению. Подобная «актуализация» в личностно-ориентированной и гештальттерапии обнаруживается в качестве элемента контекстуальных взаимных связей самости между переживаемым субъектом и контекстом ситуации, которую он проживает [2].

Данное положение является фундаментальным для роджеровского клиент-центрированного подхода. Однако, несмотря на то, что Карл Роджерс [24] в теории обращался к категории «личность», тем не менее в своей терапевтической практике он подчеркивал, что психотерапия главным образом имеет дело с организацией и функционированием самости. Рассматривая самость как источник активности ее носителя, как «свободную и детерминирующую саму себя сущность» [26. P. 211], он утверждал, что имеются определенные явления психической жизни личности, к которым самость не может быть обращена или которые не могут быть восприняты ею, поскольку обращение к ним и их принятие будет не соответствовать текущей организации самости. Эту идею он прописал в качестве одного из концептуальных положений своей клиент-центрированной теории, в котором утверждается, что как только индивид в своей жизни сталкивается с опытом переживаний себя, то эти переживания «либо (а) представляются в символической форме, воспринимаются и организуются в некотором отношении к самости, либо (б) игнорируются, поскольку отсутствует воспринятое отношение в структуре самости, либо (в) отрицают символизацию или предъявляют искаженную символизацию, поскольку этот опыт не соотносится со структурой самости» [24. P. 503] (перевод автора).

Исходя из вышеизложенного анализа состояния проблемы, мы попытались сформулировать ряд теоретических позиций, которые могут послужить концептуальными основаниями для поиска ответа на вопрос о способности личности поддерживать адекватное отношение к себе. При этом очевидно, что с каких бы теоретико-методологических предпосылок и перспектив ни рассматривался вопрос об отношении личности к себе, он всегда ассоциируется с широким диапазоном так называемых «выраженных следствий» и соответствующих характеристик физического, эмоционального и психического благополучия/здоровья [19; 20; 34], «благополучного развития»[1] и психологического здоровья [21], а также конструктивного личностного развития [24]. Отсюда содержание значимости для личности *адекватного отношения* к себе обнаруживается в ее тенденции «пребывать в состоянии благополучия и достигать субъективного переживания гармоничного, успешного, свободного (непосредственного) функционирования» [21. P. 221], которое, как мы полагаем, ведет к чувству *согласованности, постоянства и формированию у личности способности быстро восстанавливать прежнее физическое и душевное состояние*[2].

Нам представляется, что не может быть абсолютных стандартов или критериев при исследовании человеческой природы в таких ее значениях, как «истинность или ложность» и «правильность или ошибочность», поскольку эта природа проявляет себя посредством восприятий личностью себя (своей самости) и аффективной значимости этих восприятий для самой личности (позитивных или негативных). Подобное становится возможным благодаря

[1] В терминологии А. Маслоу [21] «good growth».

[2] Эту способность в психологической литературе принято именовать ***резилиенцией*** (resilience), подразумевая результат успешной адаптации к сложным жизненным переживаниям или испытаниям, главным образом посредством ментальной, эмоциональной и поведенческой флексибильности и приспособления к экстернальным и интернальным условиям окружающей действительности (см.: [1. P. 792]).

обращению личности к себе через ее отношение, которое она поддерживает именно тем способом, который согласуется с ее физическим, эмоциональным и ментальным благополучием или соответствует ему.

Экспериментальные техники поддержания адекватного отношения личности к себе. Поскольку имеется большое разнообразие потенциальных значений и функций *самости*, постольку можно наблюдать множество практических способов обращения с данным феноменом. Очевидно, что всякий подход к терапевтическому обращению или консультированию оперирует собственными техниками поддержания интрапсихических отношений личности.

Так, развивая конструктивистский взгляд на процессы функционирования и организации самости личности (self-functioning and self-organising) в терапии, Уелтон и Гринберг [35] разрабатывают процессуально-экспериментальные техники (process-experiential techniques), использующиеся для стимулирования разрешения внутренних противоречий, в которых один аспект самости выражает властную, враждебную, критичную позицию в отношении другого аспекта самости, что имеет своим результатом дискомфорт. Это такие техники, как *исследование проблемной реакции или фокусировка* (exploration of a problematic reaction or focusing) и *двусторонний диалог разрешения противоречий* (the two chair dialogue for splits). Согласно авторам, данные техники фокусируются на таких целях процессуально-экспериментальной терапии, «как активация дисфункциональных и жизнеспособных состояний самости и принятие нового экспериментального опыта (информации) с целью преобразования существующей организации самости в ходе внутреннего диалектического процесса подвергания себя испытанию» (см.: [35. P. 104] перевод автора).

Все же, несмотря на огромное разнообразие техник, связанных непосредственно с отношением личности к себе, их использование требует осознания того, насколько подобные приемы могут влиять на качество терапевтического вмешательства. В этом отношении ценными представляются выводы из терапевтической практики М. Масуда Р. Хана [19], который отмечает, что в ходе любой психотерапевтической работы психологу необходимо обеспечить два вида собственной отнесенности к пациенту. Он полагает, что первый вид отнесенности обеспечивается интерпретационной работой. Исходя из собственных наблюдений, ученый констатирует, что именно этот прием помогает пациенту достигнуть понимания им его внутренних противоречий и, таким образом, способствует поиску наиболее приемлемого способа их разрешения. В отношении второго Хан отмечает, что данный вид отнесенности сложнее определить, поскольку он заключен скорее в сущности обеспечиваемого масштаба воздействий на опыт пациента [Там же. P. 305]. При этом он замечает, что при проведении любой психотерапевтической работы необходима «сноровка» (knack), которая заключается в том, чтобы находить баланс в пределах двух видов функционального назначения терапевта.

Придерживаясь понимания «сноровки» Хана, Кокс [4] определил ее как терапевтический навык, базирующийся на теоретических допущениях и модифицированном личном опыте в ходе практической работы. Здесь он подчеркивает особую значимость восприятия самости как самим терапевтом, так и его пациентом. Наиболее наглядно это представлено на примере описания Коксом совместного терапевтического пространства в контексте отношений терапевта к пациенту: «Терапевт прилагает усилия к поддержанию чувства собственной самости, несмотря на возможность преобразования посредством возникновения у него подавляемых эмоций, которое налагает требования к усилию, относящемуся к идентичности. Терапевт старается усилить чувство самости в своем пациенте» [Там же. P. 62—63].

Тогда как Хан [19] и Кокс [4] подчеркивают значимость процесса отношения к себе «со стороны» терапевта, терапевтическая практика Карла Роджерса [24] является наглядным примером процессуального отношения терапевта к проявлениям самости клиента. Так, он отмечает, что в терапевтической ситуации «клиент ищет в консультанте истинное *alter ego* в функциональном и операциональном значении, то есть самость, которая временно отдаляет себя (насколько это возможно) от собственной самостности (selfhood), за исключением единственного качества — стремления к проникновению» [Там же. P. 40]. Поэтому Роджерс полагал: чтобы терапевтические взаимоотношения были достаточно эффективными, терапевту необходимо обладать подлинностью, безусловным позитивным отношением и эмпатией и выражать их [25; 27]. И несмотря на то что существует критика его подхода, в частности, того, насколько необходима эмпатичность терапевта [18], нам представляется, что подход Карла Роджерса дает возможность использования таких терапевтических процедур, которые имеют непосредственное отношение к процессам организации и функционирования самости как для терапевта, так и для самого клиента. Именно он составляет практическое доказательство необходимости теоретического раскрытия сущности адекватного отношения к себе.

Цели и задачи исследования

Литература, которую мы изучили, использует иллюстрации рассмотрения таких психических явлений личности, как «восприятие своей самости» [23; 32] и «процесс отношения к себе» [5; 6], в соотношении с широким диапазоном так называемых «выраженных следствий», определяющих характеристики физического, эмоционального и психического благополучия/здоровья [19; 20; 34], «благополучного развития» («good growth») и психологического здоровья [21], а также конструктивного личностного развития [24]. Тогда как многие исследователи полагают, что включение самости как некоего объекта или субъекта отношения в процессе обращения личности к себе имеет позитивное значение при рассмотрении данного феномена в норме, нам представляется, что сущность (содержание) феномена *отношение к себе* не может быть ограничена всего лишь различением аффективной значимости (позитивной или негативной) самости для самой личности.

Именно поэтому мы полагаем, что сущность феномена ***«отношение к себе»*** может рассматриваться, подразумевая такие потенции личности, как *способность к согласованности, постоянству и способность быстро восстанавливать прежнее физическое и душевное состояние (резилиенция)*. В свою очередь, перечисленные потенции предполагают вышеотмеченное субъективное переживание «гармоничного, успешного, свободного (непосредственного) функционирования» [21] и могут служить предикторами к установлению способа *отношения личности к себе*, который согласуется с ее физическим, эмоциональным и ментальным благополучием или соответствует ему. Придерживаясь данного предположения, мы предлагаем термин *«адекватный»* для обозначения такого *отношения личности к себе, которое выявляет представленность актуального состояния ее самости.*

Особый исследовательский интерес для нас представляет демонстрация *правдоподобности* и *несостоятельности* существующих в настоящее время абсолютных стандартов или же критериев для обозначения отношения личности к себе. В психологической литературе эти критерии зачастую характеризуются такими признаками, как *точный* (истинный, правильный) или *со-*

ответствующий общепризнанным стандартам/статистическим нормативам, которые, в свою очередь, позволяют рассматривать отношение личности к себе в категориях нормы[1].

В этой связи мы определяем понятие *«адекватное отношение к себе» как субъективное переживание гармоничного, успешного, свободного (непосредственного) функционирования, которое и ведет личность к чувству согласованности, постоянства и формированию у нее способности быстро восстанавливать прежнее физическое и душевное состояние*. Следовательно, чтобы изучить адекватное отношение личности к себе, в своей практике консультативной помощи нам следует «распознать» данное субъективное переживание, которое так необходимо для конструктивного развития личности и ее психического здоровья[2].

Цели нашего исследования предполагают личный опыт в реальном процессе и развитии рефлексивной практики помощи (см.: [8]), практическое участие личности в поддержании адекватного отношения к себе. Для успешного проведения исследования мы ставим две основные задачи:

1) определить адекватное отношение личности к себе;
2) выявить и обосновать условия, необходимые для оказания действенной помощи личности в поддержании адекватного отношения к себе.

Методология и гипотеза исследования

Придерживаясь цели и задач исследования, мы сформулировали два основных его направления. Во-первых, это феноменологический вопрос: «Поддерживает ли личность адекватное отношение к себе?» и, во-вторых, вопрос, относящийся к психологической практике: «Какие условия являются необходимыми и достаточными для оказания помощи личности в поддержании адекватного отношения к себе?» Эти два вопроса мы объединили в модели «индивидуального случая», которая обусловлена замыслом исследования и методологически определяет выбор его инструментария.

Проблема научного обоснования качественного запроса к практике также приводит к изучению частных случаев (case study approach) в качестве основного метода исследования [11]. Выбор данного метода предполагал, что наше внимание будет детально сосредоточено на особенностях *модели единичного случая* [30], которая, как отмечалось выше, используется нами с целью более глубокого исследования самости личности, выявления этических противоречий, возникающих при осуществлении профессиональной помощи и поддержки, а также выделения средств оценки и описания эффективности применяемых методов исследования личности [7]. Более того, мы использовали данный метод в качестве средства обобщения «случая» в такой его презентации, как это имело место при нашем непосредственном собственном осуществлении. Подобная практика является полезной, поскольку мобилизирует усилия исследователя, осуществляющего изучение индивидуальных случаев, извлекать сущность размышлений и воспоминаний в связанную форму и усматривать предмет рассуждений, а не данные в виде сведений и фактов [14].

[1] Нам представляется, что ни одно человеческое существо не способно определять, какое отношение личности к себе является адекватным для другого индивида, поскольку это отношение обусловлено субъективными восприятиями самости, которой он обладает.

[2] Нам представляется, что ни одно человеческое существо не способно определять, какое отношение личности к себе является адекватным для другого индивида, поскольку это отношение обусловлено субъективными восприятиями самости, которой он обладает.

Настоящее исследование методом «единичного случая» главным образом содействует руководству терапевтическим обращением с личностью. Именно по этой причине методология, которую мы избрали, основывается на *личностно-ориентированном* и *психодинамическом подходах* к консультированию и терапии. С позиции личностно-ориентированного подхода исследователь стимулирует личность к восприятию своих потенций, чтобы она стала способна сама разрешить внутреннее противоречие. Данный подход заключает в себе главную истину: личность лучше знает, что является препятствием к ее конструктивному развитию, и знает, в каком направлении двигаться дальше [14; 16]. Среди огромного разнообразия личностно-ориентированных техник для исследователя-практика особое внимание привлекает понятие Карла Рождерса «климат, стимулирующий развитие» («growth promoting climate») [25]. Подчеркивая значимость опыта терапевтических отношений (или личностной встречи (personal encounter)) между терапевтом и клиентом, Роджерс предложил шесть необходимых и достаточных условий для конструктивного преобразования и развития личности:

«1. Два человека находятся в психологическом контакте.
2. Первый, которого мы будем именовать *клиентом*, находится в состоянии несоответствия, он уязвим и тревожен.
3. Второй, которого мы будем именовать *психотерапевтом*, является конгруентным или интегрированным во взаимоотношения.
4. Психотерапевт испытывает безусловное позитивное отношение.
5. Психотерапевт испытывает эмпатическое понимание внутренней системы взглядов клиента и стремится передать это клиенту.
6. Как минимум, должна произойти передача клиенту эмпатийного понимания и безусловного позитивного отношения психотерапевта» [28. P. 241] (перевод автора).

В дополнение в своем исследовании «единичного случая» мы предполагаем оперировать такими средствами, как «установочные и экспериментальные элементы» личностно-ориентированной практики исследователя: конгруэнция, эмпатия и безусловное позитивное отношение. Они определяются Роджерсом [25] в качестве трех ключевых условий, обусловливающих стимулирование «вспомогающих отношений» и «развитие климата» внутри терапевтической встречи. Однако имеется и еще одно условие, которое мы будет учитывать в своей исследовательской практике. Некоторые личностно-ориентированные исследователи определили «присутствие» (presence) в качестве возможного четвертого условия или предварительного условия перечисленных трех условий. *Присутствие* определяется как предельное состояние непосредственной восприимчивости и глубокий отношенческий контакт, которые предполагают *пребывать* с клиентом, «а не *делать* что-то для него»[1]; «как возможность концентрироваться на мгновении, способствующем развитию, и, соответственно, на личности и ее отношениях»[2].

Обращение к психодинамическому подходу в нашем исследовании связано с анализом явления «отношение личности к себе» в контексте опыта вспомогающих отношений. Данный подход к консультированию и терапии учитывает факторы, которые стимулируют внутренние взаимосвязи между различными частями самости или ее объектами [17; 20]. Основной задачей

[1] The ultimate state of moment-by-moment receptivity and deep relational contact, and involves a *being* with the client rather than a *doing* to the client.
[2] As the possibility to concentrate on the fertile instant and thus on oneself and one's relations [28].

психодинамически ориентированного консультанта является побуждение клиента к раскрытию понятий и образов, которые исходят изнутри, а не тех, которые полностью предполагаются местом «действия» или непосредственным побуждением мыслей и ощущений самим консультантом [15]; а также стимулирование способности клиента к *проникновению в суть* и *пониманию* путем связывания прошлого и настоящего, осуществляя при этом интерпретацию некоторой информации клиента и интерпретацию перенесения взаимосвязей прошлого и настоящего [31].

Наш выбор психодинамического подхода обусловлен техниками, которые исследователь применяет для содействия *нарративу* личности. С этой целью мы предполагаем использовать технику «свободные ассоциации», для того чтобы сфокусировать внимание личности на своих мыслях и эмоциональных проявлениях, которые актуализируют то, что является значимым для самой же личности. Ряд других техник, таких как «активное слушание», «наблюдение» и «интерпретация», в контексте нашего исследования предназначены для обеспечения *рефлексивных, пробных, информационно-поисковых реакций*, которые рассматриваются как основные руководства к действиям консультирующего психоаналитика [15]. Поскольку эти руководства в равной степени хорошо применяются в пределах личностно-ориентированного подхода [15], мы применяем их при анализе внутренних отношенческих конфигураций самости (как конкретных форм взаимосвязи внутренних объектов самости: чувств, эмоций, мыслей, ощущений, воспоминаний, образов, идей и желаний).

Придерживаясь методологии качественного исследования и рефлексивной практики, основывающейся на исследовательских взаимоотношениях с индивидом, повествования (narrative, story-telling) которого выступают источником нового знания, мы учли ряд этических принципов, необходимых для организации и обеспечения исследовательской этики [9]. В первую очередь, это принципы, которые являются значимыми в процессе осуществления экспериментальной консультативной практики. К ним мы отнесли принципы *непричинения вреда, доброжелательности, автономии, корректности* и *достоверности* [33]. В соответствии с перечисленными принципами и предметом настоящего исследования — адекватным отношением личности к себе — сформулированы следующие этические положения:

1. Участие в исследовании является полностью добровольным. Испытуемый свободно и в любое время может прекратить участие в исследовании без какого-либо предубеждения со стороны экспериментатора или негативных последствий в его адрес. Также испытуемый не ограничивается программой предписаний условий своего участия в эксперименте, однако снабжается всей необходимой информацией о цели, задачах и процедуре исследования, чтобы принять решение об участии или неучастии в нем.
2. Предполагается открытость испытуемого и непосредственность при изложении собственного опыта переживания самости, обращение за поддержкой и предоставлением «обратной связи» о происходящем, его обращение с вопросами, принятие решения «отвечать или не отвечать», делиться воспоминаниями и мыслями. Раскрытие себя является необходимым условием участия в исследовании, однако испытуемому предлагается самостоятельно определиться, каким способом он предполагает осуществлять этот процесс.
3. Исследование исключает какие-либо риски или нанесение ущерба испытуемому. С целью создания эмоционально безопасной среды испытуемый побуждается к обсуждению вопросов способом, который представляется кон-

структивным и конгруентным его актуальному состоянию эмоционального благополучия. Последнее планируется как поддержка испытуемого посредством *подкрепления*, предполагающего *пребывание с испытуемым* — быть с ним и переживать проистекающий процесс, а не осуществлять адресованные ему какие-либо операциональные экспериментальные действия.

4. Вся информация, сообщаемая испытуемым в процессе исследования, воспринимается с уважением и соблюдением конфиденциальности. В ходе эксперимента будут обсуждаться лишь те характеристики индивидуального своеобразия личности испытуемого, которые обозреваются в соответствии с целью и задачами исследования. Имя испытуемого или другая информация, относящаяся к его личности, не будут упоминаться в процессе исследования.

В результате привлечение испытуемых к участию в исследовании *единичного случая* осуществлялось нами по принципу неселективного отбора, который исключал выбор более подходящих или наиболее компетентных испытуемых согласно таким характеристикам, как: а) возраст, пол и сексуальная ориентация, б) этническая и религиозная принадлежность, социальное происхождение и культурные различия, в) степень образованности и профессиональной компетенции. Таким образом, внимание было сосредоточено на том, чтобы подчеркнуть *личностную специфику* в ходе исследования проблемы *адекватного отношения личности к себе и этическую составляющую* организации практики оказания помощи личности в *поддержании адекватного отношения к себе*.

Итак, процесс оказания помощи и принятия поддержки предполагает:

1) наблюдение и выявление функциональных составляющих процесса отношения личности к себе: *самоидентификации, самодетерминации, самоосознания, самовыражения, самоосуществления, самосохранения, самоэффективности* и др.;
2) анализ конструктивного паттерна отношения к себе в аспектах когнитивного, аффективного и поведенческого функционирования;
3) инициацию рефлексивного процесса переживания отношения к себе.

Поскольку речь идет о качественном исследовании «единичного случая», результаты которого носят субъективный характер, необходимо оговорить методы сбора эмпирического материала и процедуры его обработки. Придерживаясь нарративного формата презентации описания единичного случая, было проведено исследовательское интервью с целью «получения информации и осмысления проблем, относящихся к основным целям и специфическим вопросам программы исследования» [12]. Программа исследования предполагала:

во-первых, концентрацию на опыте переживания «самости» для прояснения испытуемым собственных личностных состояний предрасположенности, системы ценностей и убеждений в отношении себя самого;

во-вторых, вовлечение в процесс переживания непосредственного отношения к себе;

в-третьих, проникновение в суть собственных мыслей, ощущений и образов действий через рефлексию разных аспектов отношения к себе как внутри опыта переживания «самости», так и за его пределами (как бы «со стороны») и понимание этого;

в-четвертых, определение альтернативных путей для возможной реорганизации себя внутри опыта переживания «самости» с перспективой переноса этого познания во внешнюю жизнь.

Для обеспечения большей возможности испытуемому оказывать воздействие на направленность интервью был разработан *план процедуры исследования* как руководство для его проведения:

Первая стадия. Мотивация и эмоциональное вовлечение

Испытуемому предъявляются и объясняются цели и задачи интервью, чтобы он прямо и непосредственно говорил о своем собственном опыте переживания «самости».

Бóльший акцент ставится на внутренних, связанных с отношениями конфигурациях «самости» (внутренние объекты внутри «самости»: ощущения, эмоции, мысли, восприятия, воспоминания, образы, понятия, стремления и т. д.) как *внутри* опыта переживания «самости», так и вне его. Испытуемому предлагается поделиться своими впечатлениями о том, что он (или она) знает о самом себе, как он (или она) оценивает свое эмоциональное благополучие и возможные способы своих действий или поведения в отношении себя. Впоследствии рассматриваются и позитивные ощущения себя, и ощущения неудовлетворения и разочарования собой. Предполагается, что испытуемый будет делиться своими реальными ощущениями себя, а не теми, которые желательны (ожидаются) в сложившейся ситуации.

Вторая стадия. Процесс интервьюирования

Предполагается вовлечение исследователя в происходящий процесс содействия испытуемому — его повествования о себе. Испытуемый должен ощутить необходимость в поддержке и быть обеспечен рефлексивными, объясняющими и информационно-поисковыми откликами; побуждаем к ассоциациям и мыслям, которые ведут его к открытию *значимого* для него самого. Основной задачей исследователя на данной стадии является побуждение испытуемого говорить о непосредственно пережитых внутренних, связанных с его отношениями конфигурациях самости, т. е. исходящих изнутри, а не из прямо стимулированных исследователем; а также способствовать проникновению в их сущность и пониманию посредством обеспечения воссоединения испытуемым прошлого и настоящего опыта переживания себя.

Третья стадия. Оценка процесса отношения к себе и приобретенного в его ходе знания

Испытуемого призывают оценить процесс отношения к себе и поразмышлять над тем, что он испытал в ходе интервью. Главной задачей исследователя является побуждение испытуемого к определению альтернативных путей для возможной реорганизации себя внутри опыта переживания «самости» с перспективой переноса этого познания во внешнюю жизнь.

Продолжительность интервью составляет 60—90 мин. Процесс интервьюирования записывается на цифровой аудионоситель, далее подвергается процедуре транскрибирования и составления электронных копий транскриптов интервью.

Изучение эмпирических данных осуществляется с опорой на триединый подход Волкотта (см.: [3. P. 8—9]) к обработке или преобразованию качественных данных: описание, анализ и интерпретацию. Описательный протокол качественных данных составляется исходя из допущения того, что данные сами говорят за себя. Содержание аналитического объяснения близко к презентации данных в их оригинальном содержании. В качестве основного подхода к анализируемому материалу выступает вопрос: «Что происходит?»

Согласно пониманию *анализа* Коффи и Аткинсона [3] он представляется процессом, посредством которого исследователь раскрывает суть протокола описания и изучает данные вне его пределов. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, предполагает выявление существенных характеристик и взаимо-

связей исследуемого нами феномена. Интерпретация эмпирических данных исследования — это процесс истолкования нами того, что происходило в ходе осмысления и описания «случая».

На стадии процедуры кодирования (coding frame) устанавливаются значимые фрагменты интервью, организованные в отдельные предметные темы и концепты. Отражается значимая взаимосвязь «сырых данных» (результатов обработки транскриптов интервью) с концептуальными предположениями, схемами и анализом проблематики исследования. Согласно концептуальной схеме исследования принимаются во внимание вариабельность внутри данных и различные темы объединяются в единое смысловое пространство. Обозначенный ранее триединый подход Волкотта к обработке или преобразованию качественных данных определяет нашу исследовательскую стратегию при составлении протокола «случая».

Предлагаемый метод позволяет наиболее полно изучать самость, оптимально втягивая саму личность в этот процесс и обеспечивая реальные возможности для выявления этических противоречий, возникающих при осуществлении профессиональной помощи, и выявить средства оценки эффективности применяемых методов исследования личности.

In the article on the material of a qualitative research of the problem of a person»s adequate self-relation the unity of the theory, experiment and counselling/therapeutic practice is implemented. A case study research was assigned to explore such a qualitative inquiry as the person»s self-relation. It enables researcher to draw attention in detail to the peculiarities of a single case design which uses first to learn about one»s self; and secondly, to highlight the ethical tensions imbued in the execution of professional helping and supporting practice, or a means of evaluating and reporting upon efficacy.

Keywords: adequate self-relation, qualitative research, qualitative inquiry, case study research, self-objects, relational patterns, presence, self-relational process, reflexive practice, self.

Литература

1. APA Dictionary of Psychology / ed. by G.R. VandenBos. — Washington, DC : American Psychological Association, 2007.

2. *Brinich, P.* The self and personality structure / P. Brinich, C. Shelley. — Buckingham : Open University Press, 2002.

3. *Coffey, A.* Making Sense of Qualitative Data : Complementary Research Strategies / A. Coffey, P. Atkinson. — Thousand Oaks : SAGE Publications, 1996.

4. *Cox, M.* The Sense of Self / M. Cox // Structuring the Therapeutic Process : Compromise with Chaos : The Therapist»s Response to the Individual and the Group. — London, 1988. — P. 62–78.

5. *Cross, S. E.* The Relational-Interdependent Self-Construal and Relationships / S. E. Cross, P. L. Bacon, M. L. Morris // J. of Personality and Social Psychology. — 2000. — Vol. 78, № 4. — P. 791–808.

6. *Cross, S. E.* Thinking About Oneself and Others : The Relational-Interdependent Self-Construal and Social Cognition / S. E. Cross, M. L. Morris, J. S. Gore // J. of Personality and Social Psychology. — 2002. — Vol. 82, № 3. — P. 399—418.

7. *Cross, M.* Guest Editorial : An introduction to the special issue on case studies / M. Cross, J. Davy, R. Tribe // Counselling physiology review. — 2004. — Vol. 19, № 1. — P. 3–4.

8. *Davy, J.* The functions of case studies : Representation or persuasive construction? / J. Davy // Counselling physiology review. — 2004. — Vol. 19, №1. — P. 22—38.

9. *Etherington, K.* Ethical Research in Reflexive Relationships / K. Etherington // Qualitative Inquiry. — 2007. — Vol. 13, № 5. — P. 599—616.

10. *Geller, S. M.* Therapeutic Presence : Therapists, experience of presence in the psychotherapy encounter / S. M. Geller, L. S. Greenberg // Person-Centered and Experiential Psychotherapies. — 2002. — Vol. 1. — P. 71—86.

11. *Gillham, B.* Case Study Research Methods / B. Gillham. — London : Continuum, 2000.

12. *Gillham, B.* The Research Interview / B. Gillham. — London : Continuum, 2000.

13. *Guntrip, H.* Personality structure, and human interaction : The Developing Synthesis of Psychodynamic Theory / ed. by H. Guntrip. — London : The Hogarth Press, 1961.

14. *Harris, A.* The experience of silence : A client case study / A. Harris // Counselling physiology review. — 2004. — Vol. 19, № 1. — P. 5—11.

15. *Jacobs, M.* Psychodynamic Counselling in Action / M. Jacobs. — 3rd ed. — London : SAGE Publications, 2004.

16. *Joseph, S.* Why the client knows best / S. Joseph // The Psychologist. — 2003. — Vol. 16, № 6. — P. 304—307.
17. *Kenneth, B.* Self and Spirit in the Therapeutic Relationships / B. Kenneth. — London : Routledge, 1996.
18. *Kensit, D. A.* Rogerian theory a critique of the effectiveness of pure client-centred therapy / D. A. Kensit // Counselling Psychology Quarterly. — 2000. — Vol. 13, № 4. — P. 345—351.
19. *Masud, M. Khan R.* The finding and becoming of self / M. Masud R. Khan // The Privacy of the Self. — London, 1974. — P. 294—305.
20. *Kohut, H.* The Therapeutic Activation of Omnipotent Object / H. Kohut // Analysis of the self : A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorder. — London, 1971. — P. 35—101.
21. *Maslow, A.* Some Basic Propositions of a Growth and Self-Actualization Psychology / A. Maslow // Toward a psychology of being. — 3rd ed. — N. Y., 1999. — P. 211—233.
22. *Muran C. J.* An Introduction : Contemporary Constructions and Context / C. J. Muran // Self-Relations in the Psychotherapy Process // ed. by C. J. Muran. — Washington, 2001. — P. 3—44.
23. *Myers, G. E.* Self: an introduction to philosophical psychology / G. E. Myers. — N. Y. : Pegasus, 1969.
24. *Rogers, C.* Client-centered therapy : Its current practice, implications and theory / C. Rogers. — Boston : Houghton Mifflin, 1951.
25. *Rogers, C.* The Interpersonal Relationship : The Core of Guidance / C. Rogers // Person to Person / C. Rogers B., Stevens. — London, 1967. — P. 112—132.
26. *Rogers, C.* Reinhold Niebuhr's The Self and the dramas of History / C. Rogers // Carl Rogers: dialogues : Conversations with Martin Buber, Paul Tillich, B.F. Skinner, Gregory Bateson, Michael Polanyi, Rollo May and others / ed. by H. Kirschenbaum, V. L. Henderson. — London, 1989. — P. 208—211.
27. *Rogers, C.* The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change / C. Rogers // Psychotherapy : Theory, Research, Practice, Training, — 2007. — Vol. 44, № 3, — P. 240—248.
28. *Schmid, F. P.* Presence : Im-media-te co-experiencing and co-responding. Phenomenological, dialogical and ethical perspectives on contact and perception in person-centred therapy and beyond / F. P. Schmid // Rogers, Therapeutic Conditions Evolution, Theory and Practice. — Vol. 3 : Contact and Perception / ed. by G. Wyat, P. Sanders. — Ross-on-Wye, 2002. — P. 65—86.
29. *Siegel, A. M.* Heinz Kohut and the psychology of the self / A. M. Siegel. — London : Routledge, 1996.
30. *Stake, E.* Qualitative case studies / E. Stake // Handbook of Qualitative Research / ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. — 3rd. ed. — Thousand Oaks, 2005. — P. 443—466.
31. *Stewart, W.* An A-Z of Counselling : Theory and Practice / W. Stewart . — 4th ed. — Cheltenham : Nelson Thornes, 2005.
32. *Strawson, G.* The Self and the SESMET/ G. Strawson // Models of the Self / ed. by S. Gallagher, J. Shear. — Thorverton, 1999. — P. 483—518.
33. Towards ethical decision-making in counselling research / M. Robson [et al.] // British J. of Guidance and Counselling. — 2000. — Vol. 28, № 4. — P. 533–546.
34. *Whelton W. J.* The Self as o Singular Multiplicity: A Proress-Experientiol Perspective / W. J. Whelton, L. S. Greenberg // Self-Relations in the Psychotherapy Process / ed. by C. J. Muran. — Washington, 2001. — P. 87—106.
35. *Winnicot, D. W.* Human nature / D. W. Winnicot. — N. Y. : Schocken Books, 1988.

О. С. Анисимов

Самоотношение и самоорганизация в контексте развития самости (по мотивам «И цзин»[1] — «Книги перемен»)

В статье ставится вопрос о сложности и многоэтапности развертывания самости, обусловленного ростом способности к самоотношению, самоорганизации и т. д. На основе анализа широко известного древнекитайского источника «Книги перемен» раскрываются заложенные в ней сущность, поэтапный принцип осуществления пути к росту самости и роль социальной самоорганизации (носителем которой выступает «учитель») в развитии самости, субъектности и субъективности.

Ключевые слова: самость, самоотношение, самоорганизация, субъект, субъективность.

Хорошо известно, что человек, проходя путь социализации, изменяется, его индивидные качества трансформируются, а на основе природных, индивидных качеств порождаются более высокие, субъектные и личностные ка-

[1] Другое название — «Чжоу и».